ИСТОРИЧЕСКИЕ Сенсации

определенный срок партийный комитет вновь заслушал того

Валерий ШАМБАРОВ

АГЕНТЫ БЕРИИ В РУКОВОДСТВЕ ГЕСТАПО

суждались на двух собраниях коммунистов, но довольно поверхностно. И, что особенно удивляет,— ход выполнения директив партии по магистральному направлению сельскохозяйственной политики был снят парткомом с контроля. Явно преждевременно!

Теперь, после собрания, члены парткома ведут обстоятельный разговор о том, как быстрее решать проблемы специализации и концентрации производства, что могут

то коммунисты министерства.

Большое внимание уделяется работе парторганизаций в отделах и управлениях. Им

венности? Теперь, на заседании парткома, его члены сообща думают об этом. Деловитость и оперативность, творческий подход к делу — важнейшие качества современного организатора. Какие средства помогут развивать их у сотрудников аппарата управления? Товарищи единодушны: важно не оставлять без строгой оценки ни один случай недисциплинированности, нечеткости или расхлябанности, руководствоваться при этом де-

Исторические сенсации

Валерий Шамбаров

Агенты Берии в руководстве гестапо

«Алисторус»

2010

Шамбаров В. Е.

Агенты Берии в руководстве гестапо / В. Е. Шамбаров — «Алисторус», 2010 — (Исторические сенсации)

Прообразом знаменитого Штирлица из киноэпопеи «17 мгновений весны» стали многие члены руководства Третьего рейха, завербованные советской разведкой. Известный историк Валерий Шамбаров в своей новой книге доказывает на основе фактов, что одним из информаторов всесильного Лаврентия Берии являлся сам глава гестапо, человек, отвечавший за борьбу со шпионами внутри Германии.Открытия, сделанные в этой книге, поражают воображение даже действующих сотрудников спецслужб.

© Шамбаров В. Е., 2010
© Алисторус, 2010

Содержание

От автора. пролог перед занавесом 5
Детство под барабаны 7
Доброволец имперской авиации 14
Первый взлет и Версальское крушение 23
Республики Веймарская и Советская 30
Конец ознакомительного фрагмента. 31

Валерий Евгеньевич Шамбаров
Агенты Берии в руководстве гестапо

От автора. пролог перед занавесом

Говорят, что «театр начинается с вешалки». Впрочем, это не совсем точно. Ведь в летнее время для большинства публики вешалка не требуется. А по-настоящему театр начинается, наверное, с программки, которую зритель берет у билетерши в фойе или на входе в зал. Занавес еще закрыт, а люди рассаживаются по своим местам, с тихим шорохом листают эти программки и уже начинают углубляться в атмосферу предстоящего спектакля. По именам, титулам действующих лиц представляют колорит эпохи, которая вскоре возникнет на сцене. Могут догадываться о фабуле сюжета. Если знают исполнителей, могут примерно ожидать, как станет вести себя тот или иной персонаж… Что ж, перед нами пройдет драма не театральная, а историческая, вполне реальная и документальная. Тем не менее я приглашаю и вас устраиваться поудобнее. А программку пусть вам заменит предисловие, которое вы сейчас читаете. Итак…

Главным героем этой драмы будет ГЕНРИХ МЮЛЛЕР. Тот самый. Начальник гестапо, группенфюрер СС, чье имя было в нашей стране малоизвестно до 1970-х гг., но стало чрезвычайно популярным после выхода в свет романа Юлиана Семенова и фильма «Семнадцать мгновений весны». Мы с вами проследим его непростую (и, смею вас заверить, очень нелегкую) жизнь, его взлеты и падения, попытаемся оценить, как складывались и изменялись его политические взгляды, принципы, характер, профессиональное мастерство.

Конечно же, на страницах книги будут действовать и его начальники – Генрих Гиммлер, Рейнхардт Гейдрих, Эрнст Кальтенбруннер, да и прочие лидеры Третьего рейха: Гитлер, Геринг, Гесс, Борман, Геббельс, Кейтель, с которыми так или иначе оказалась связана судьба главного персонажа. Будут действовать и коллеги Мюллера – руководитель абвера адмирал Канарис, начальники других управлений имперской службы безопасности Бест, Небе, Шелленберг, Олендорф, Йост, Хансен. По ходу сюжета мы познакомимся и с рядом колоритных подчиненных начальника гестапо – штандартенфюрером Майзингером, Карлом Гирингом, Вилли Бергом, Хайнцем Паннвицем и т. п.

Уже из самого перечня действующих лиц читателю нетрудно догадаться, что кульминацией сюжета неизбежно должен стать смертельный поединок нацистских и советских спецслужб в годы Второй мировой войны. Да, в книге будет представлена и противоположная сторона. Например, выдающийся руководитель советской разведки Лаврентий Павлович Берия (нет, я не оговорился, именно выдающийся руководитель – потому что за принятыми в нашей литературе традициями окарикатуривания этого деятеля, за наслоениями обвинений, иногда справедливых, а в значительной мере клеветнических, оказались скрыты его реальные и очень даже весомые заслуги). В данной работе перед нами также пройдут непревзойденные мастера наших спецслужб Павел Судоплатов, Александр Коротков, Мария Полякова и др. Героями книги будут и агенты разведывательных групп «Красная капелла» Леопольда Треппера, «Красная тройка» Шандора Радо, структур Рихарда Зорге, Ольги Чеховой, Шульце-Бойзена, Вилли Лемана…

Добавьте в список действующих лиц еще и западных политиков, военных, дипломатов, разведчиков и контрразведчиков, «массовку» из многих сотрудников гестапо, СД, чекистов, мелких чиновников и простых граждан различных государств… И все это оказывается связанным очень сложными хитросплетениями политических игр, разведывательных операций, порой образуя столь запутанные и противоречивые клубки, что на первый взгляд они способны показаться невероятными.

Так, например, Вальтер Шелленберг в своих мемуарах упоминает, что Мюллер на заключительном этапе войны переметнулся к работе на русских. Правда, здесь есть одно большое «но». Шелленберг являлся заклятым соперником и личным врагом Мюллера, а свидетельства врага сами по себе недорого стоят. Да и его мемуарам следует доверять с очень большой осторожностью. Начальник внешней разведки СД начинал их писать в британской тюрьме в годы «холодной войны». Завершал на воле, но все равно старался обелить себя и подольститься к новым хозяевам. Неточностей и явной лжи в его книге предостаточно. А утверждения об измене Мюллера голословны. Они либо совсем не подкрепляются доказательствами, либо, допустим, цитируются отрывки бесед, происходивших без свидетелей, с глазу на глаз. Хотя если даже подобные беседы имели место, ни малейшим доказательством они являться не могут – Мюллер по своему исключительному служебному положению мог говорить все что угодно (скажем, провоцируя партнера).

Впоследствии данной сенсационной темы касались некоторые наши периодические издания и телепередачи. Что тоже нетрудно понять. Уж очень симпатичным получился «киношный» Мюллер в исполнении Броневого, ну как тут не захотеть, чтобы он вдруг оказался «нашим»? Однако и упомянутые публикации, передачи строили свои сюжеты на одной-единственной фактической опоре – на высказываниях Шелленберга весьма сомнительной достоверности.

Но, если уж разобраться в вопросе более внимательно и объективно, данная версия вовсе не выглядит чем-то парадоксальным и невозможным. Потому что на различных этапах войны изменниками стали… все начальники спецслужб Третьего рейха. Абсолютно все, без исключения! Канарис вовсю наводил контакты с англичанами. Небе и Хансен примкнули к антигитлеровскому заговору. Гиммлер и Шелленберг искали связи с американцами. То же самое, но менее умело, пытался делать недалекий Кальтенбруннер… И это, кстати, вовсе не случайно. В любой стране глава государства получает многократно просеянную, отлакированную и отретушированную информацию, которая часто отражает не истинное состояние дел, а ту картину, каковую сочли нужным преподнести ему подчиненные. Или, что тоже бывает, картину, которую он хотел бы видеть сам. В нацистской Германии подобная специфика была выражена очень сильно. Поэтому руководители ее спецслужб гораздо лучше, чем политическое руководство, представляли себе реальное положение страны, гораздо раньше увидели грядущий исход войны и принимались искать выход.

Стоит ли удивляться, что Мюллер, один из самых информированных людей рейха, не был исключением? И если для его коллег-«интеллектуалов» в критической ситуации было логично искать покровительства у западных держав, то для него, человека «от сохи», оказались ближе русские. Прямых подтверждений этому нет, и, может быть, не появится никогда. Операции разведок всегда окутаны тайной. Но и тайны бывают разного уровня. Одни вскрываются через годы, другие через много лет, третьи обречены быть похороненными без следа… Тем не менее совершенно «без следа» не проходит ничто. И из сопоставления фактов, из косвенных данных, различных документов, можно сделать достаточно обоснованный вывод, что Генрих Мюллер с 1943 г. перешел на сторону противника и начал действовать в контакте с советскими спецслужбами. Причем любопытно, что некоторые его дела были потом приписаны Юлианом Семеновым… Исаеву-Штирлицу.

Но, пожалуй, тут мы уже забежали далеко вперед. Ведь пока мы с вами только еще «читаем программку». А чтобы понять, как, почему, под влиянием каких факторов происходили главные события в жизни Мюллера, целесообразно проследить его биографию с самого начала. А значит, будем считать, что прозвучал третий звонок. И пошел занавес…

Детство под барабаны

Будущий начальник гестапо родился 28 апреля 1900 г. в бедной крестьянской семье под Мюнхеном. Как и большинство простонародья Баварии, семья была католической. Разумеется, младенец был окрещен по католическому обряду и получил имя Генрих. Сведений о его детских годах мало. Сперва он был слишком незначительной фигурой, чтобы кому-то понадобилось ворошить его прошлое. А когда возглавил тайную государственную полицию Третьего рейха, желающих интересоваться этим прошлым и подавно не стало. Сам же он был человеком крайне скрытным и о своем детстве не распространялся. Впрочем, сведения-то, конечно, есть. Последующие германские историки даже защищали диссертации, поднимали документы, метрические книги, школьные ведомости. Но только вряд ли это представляет интерес для широкого читателя.

Ведь когда начинают «под лупой» исследовать первые жизненные шаги человека, завоевавшего ту или иную известность, это обычно выглядит довольно нудно, вспомните хотя бы истории из советских учебников для младших классов про пай-мальчика Володю Ульянова. А особенно глупыми получаются попытки на основании случаев из детства делать далеко идущие выводы. Вот, дескать, человек в раннем возрасте стекла из рогаток бил и кошек мучил, и стал злодеем. Или наоборот – стекла бил, но потом за ум взялся и вырос гением…

Но маленький Генрих Мюллер стекол не бил. Для баварского мальчика это считалось бы просто дикостью – стекла денег стоят. А немецкие крестьяне всегда умели считать пфенниги. Разве позволительно за здорово живешь разрушать материальные ценности? И разве можно нарушать закон? И гением он не был. Хотя, ясное дело, учился. Это также подразумевалось само собой: долг каждого немецкого мальчика – учиться как можно лучше, чтобы впоследствии принести пользу и стране, и своим родным, и самому занять приличное место в жизни. Судя по ведомостям Мюллера, где трудно, со скрипом, перемежаются удовлетворительные и хорошие оценки, он и учился по-крестьянски, брал не способностями, но цепкостью и усидчивостью. Есть работа – значит, надо ее сделать…

Однако для нашей темы гораздо полезнее рассмотреть ту обстановку, в которой рос Мюллер. Все его детство прошло, так сказать, «под барабаны». Германия интенсивно готовилась к большой войне. Она и образовалась-то всего за тридцать лет до его рождения, Германия. Образовалась под гром пушек, поскольку объединение множества немецких королевств, мелких княжеств и вольных городов стало возможным лишь в итоге трех победоносных войн. Локальной – с Данией, и двух больших, с разгромом претендовавшей на первенство в германском мире Австро-Венгрии, а потом и Франции. Но в результате возникла не только новая Германская империя. Успехи вскружили головы немецким политикам, военным, обывателям, и побочным результатом объединения явились мечты о дальнейшей экспансии.

Строились проекты не более ни менее как европейской (а тогда это значило и мировой) гегемонии. Для чего главным препятствием была Россия. И уже в 1871 г. начальник генштаба Мольтке разработал первый план войны против нее. В 1875 г. – второй. В 1879 г. – третий. В 1882 г. создается нацеленный против России и Франции Тройственный союз с Австро-Венгрией и Италией. А когда в 1888 г. на трон взошел агрессивный и обуянный болезненными комплексами кайзер Вильгельм II, общеевропейская война стала практически неизбежной. В 1905 г. генштаб разрабатывает окончательный вариант «плана Шлиффена», учитывавшего разницу сроков мобилизации и хорошую пропускную способность германских железных дорог. Пока Россия будет сосредотачивать войска, львиная доля немецких сил должна была двинуться на запад, стремительным «блицкригом» сокрушить Францию, а затем быстро перебрасывалась на восток против русских.

Кстати, почему-то принято считать, что программы мировой экспансии и расовые теории возобладали в Германии при нацистах и каким-то непонятным образом, вот так вдруг, сразу, охватили умы немецкого народа. Ничего подобного. Все эти теории родились и стали популярными ох как задолго до Гитлера! И Второй рейх уже очень и очень многими чертами смахивал на Третий. Облик, дух и политика Германии определялись тремя составляющими – пангерманизмом, культом кайзера и культом армии. Пангерманизм, по сути, перенял идеи социал-дарвинизма, но довел их до «логического» завершения. Если английские и французские колонизаторы говорили о превосходстве «цивилизованных народов» над «дикарями», то пангерманисты проводили градацию уже внутри «цивилизованных народов», делая вывод о превосходстве германской нации над остальными. Ведь она являлась самой образованной, самой дисциплинированной и самой развитой, раз смогла легко одолеть соперников и в короткий срок достичь впечатляющих успехов в экономике.

А раз так, то ей по праву должно было принадлежать не просто «достойное», а ведущее место в мире. Ну а война становилась всего-навсего аналогом естественного отбора в человеческой среде. Способом народа получить свое «место под солнцем». Возникали и пропагандировались планы «Великой Германии» или «Срединной Европы», в которую должны были войти Австро-Венгрия, Балканы, Малая Азия, Прибалтика, «родственная» Скандинавия, Бельгия, Голландия, часть Франции. Все это соединялось с «Германской Центральной Африкой» – ее предполагалось образовать за счет присоединения португальских, бельгийских, французских, части британских колоний. Предусматривалось создание обширных владений в Китае, распространение влияния на Южную Америку – в противовес США. Одна за другой выходили книги идеологов пангерманизма: профессора Г. Дельбрюка – «Наследство Бисмарка», генерала П. Рорбаха – «Немецкая идея в мире», «Война и германская политика», Т. фон Бернгарди – «Германия и следующая война». А надо отметить, что в кайзеровской Германии подобного рода пропаганда могла быть *только* официальной. Массированное и легальное распространение идей, противоречащих взглядам государственной верхушки, в милитаризованной и очень дисциплинированной стране было просто невозможно. Содержимое таких изданий было весьма впечатляющим. Например, Дельбрюк доказывал, что от Северного и Балтийского морей до Персидского залива и Красного моря должен простираться будущий «район приложения немецких экономических сил».

А книга Бернгарди, вышедшая в 1911 г., стала настоящим бестселлером и неоднократно переиздавалась огромными тиражами. Кстати, и сам он был лицом вполне официальным – возглавлял военно-исторический отдел генштаба. Он писал: «Война является биологической необходимостью, это выполнение в среде человечества естественного закона, на котором покоятся все остальные законы природы, а именно закона борьбы за существование. Нации должны прогрессировать или загнивать. Германия в социально-политических аспектах стоит во главе всего культурного прогресса», но «зажата в узких, неестественных границах». Откуда вытекали следствия – не надо избегать войны, а наоборот, надо готовиться к ней, чтобы доказать свое право на победу в «естественном отборе». Характерны даже названия глав: «Право вести войну», «Долг вести войну», «Мировая держава или падение»…

А вот некоторые выдержки из его труда: «Мы должны обеспечить германской нации и германскому духу на всем земном шаре то высокое уважение, которое он заслуживает… и которого он был лишен до сих пор». Каким способом? Разумеется, военным. «Мы должны сражаться за то, чего мы сейчас хотим достигнуть»… «завоевание, таким образом, становится законом необходимости». За что сражаться? Он и это указывал: «В штормах прошлого Германская империя претерпела отторжение от нее огромных территорий. Германия сегодня в географическом смысле – это только торс старых владений императоров. Большое число германских соотечественников оказалось инкорпорированным в другие государства или превратилось в независимую национальность, как голландцы, которые в свете своего языка и наци-

ональных обычаев не могут отрицать своего германского первородства. У Германии украли ее естественные границы; даже исток и устье наиболее характерного германского потока, прославленного Рейна, оказались за пределами германской территории. На восточных границах, там, где мощь Германской империи росла в столетиях войн против славян, владения Германии ныне находятся под угрозой. Волны славянства все ожесточеннее бьются о берег германизма».

Поэтому «требуется раздел мирового владычества с Англией. С Францией необходима война не на жизнь, а на смерть, которая уничтожила бы навсегда роль Франции как великой державы и привела бы ее к окончательному падению. Но главное наше внимание должно быть обращено на борьбу со славянством, этим нашим историческим врагом». «Славяне становятся огромной силой. Большие территории, которые прежде были под германским влиянием, ныне снова подчиняются славянам и кажутся навсегда потерянными нами. Нынешние русские балтийские провинции были прежде процветающими очагами германской культуры. Германские элементы в Австрии, нашей союзнице, находятся под жесткой угрозой славян… Только слабые меры предпринимаются, чтобы остановить этот поток славянства. Но остановить его требуют не только обязательства перед нашими предками, но и интересы нашего самосохранения, интересы европейской цивилизации». При этом автор призывал не ограничивать «германскую свободу действий предрассудками международного права». «Мы должны постоянно сознавать, что ни при каких обстоятельствах не должны избегать войны за наше положение мировой державы, и что задача состоит не в том, чтобы отодвинуть ее как можно дальше, а, напротив, в том, чтобы начать ее при наиболее благоприятных условиях». «На нас лежит обязанность, действуя наступательно, нанести первый удар».

Последователей у подобных идей было множество. Другой идеолог пангерманизма, Гибихенфельд, утверждал: «Без войны не может существовать общественная закономерность и какое-либо сильное государство». Профессор Фукс в своей газете «Ди пост» вопрошал: «Кто же возвышается и прославляется в национальной истории? Кому отдана глубочайшая любовь немца? Может быть, Гете, Шиллеру, Вагнеру, Марксу? О, нет… Барбароссе, Фридриху Великому, Бюхнеру, Мольтке, Бисмарку…, ибо они в свое время сделали то, что мы должны сделать сегодня». Фельдмаршал фон дер Гольц (тоже пребывавший на действительной службе) в книге «Нация с оружием» доказывал: «Мы завоевали наше положение благодаря остроте наших мечей, а не умов». А в 1912 г. на заседании «Пангерманского союза» в Эрфурте один из его руководителей генерал-лейтенант фон Врохем провозглашал: «Оружие надо постоянно держать в готовом состоянии и неустанно испытывать разящую силу германского клинка… Теперь же мы обязаны подготовить нашу молодежь к военным походам, к будням великих испытаний, когда судьба Германии будет решаться на полях брани». Годом позже он же говорил: «Нации, которая быстрее развивается и мчится вперед, подобно нации немцев, нужны новые территории, и если их невозможно приобрести мирным путем, остается один лишь выход – война». В берлинских магазинах пользовались большим спросом фотографии кронпринца с его изречением: «Только полагаясь на меч, мы можем добиться места под солнцем. Места, принадлежащего нам по праву, но добровольно нам не уступленного».

В итоге пангерманизм начала XX в. сводился к формуле: «Пруссия под руководством короля, Германия под руководством Пруссии, мир под руководством Германии». По всей стране создавались соответствующие общественные организации – «Пангерманский союз», «Военный союз», «Немецкое колониальное товарищество», «Флотское товарищество», «Морская лига», «Союз обороны», ведущие пропаганду этих идей. Министр образования Пруссии в 1891 г. давал указания вести процесс обучения таким образом, чтобы «сердца молодых людей могли облагораживаться энтузиазмом за германский народ и за величие германского гения». И под теми же лозунгами возникали студенческие, молодежные, даже детские организации. Например, движение «Wandervogel». В 1910 г. по указу кайзера возник «Югендвер» («юношеская армия»), затем появился еще и «Юнгдойчланд бунд», призванный сочетать усиленную

физическую подготовку с пропагандистскими задачами. В воззваниях этой организации детям внушалось: «Война прекрасна… Мы должны встречать ее мужественно, это прекрасно и замечательно, жить среди героев в церковных военных хрониках, чем умереть на пустой постели безвестным». И песня «Дойче, Дойче юбер аллес!» уже существовала, это был официальный кайзеровский гимн, очень популярный среди студентов.

Сплошь и рядом повторялись высказывание Мольтке: «Вечный мир – некрасивая мечта», ходовые выражения вроде «кровь и железо», «сверкающая броня». Провозглашалось, что на немцах лежит «историческая миссия обновления дряхлой Европы» и утверждалось «превосходство высшей расы». Да-да, еще тогда. В работах Бернгарди, Рорбаха, в газетных статьях Франция объявлялась «умирающей», а славяне – «этническим материалом» и «историческим врагом». И Мольтке (действующий начальник генштаба!) писал: «Латинские народы прошли зенит своего развития, они не могут более внести новые оплодотворяющие элементы в развитие мира в целом. Славянские народы, Россия в особенности, все еще слишком отсталые в культурном отношении, чтобы быть способными взять на себя руководство человечеством. Под правлением кнута Европа обратилась бы вспять, в состояние духовного варварства. Британия преследует только материальные интересы. Одна лишь Германия может помочь человечеству развиваться в правильном направлении. Именно поэтому Германия не может быть сокрушена в этой борьбе, которая определит развитие человечества на несколько столетий». «Европейская война разразится рано или поздно, и это будет война между тевтонами и славянами. Долгом всех государств является поддержка знамени германской духовной культуры в деле подготовки к этому конфликту».

Как нетрудно увидеть, антирусская направленность пангерманизма вообще была преобладающей. Сам кайзер заявлял австрийскому представителю: «Я ненавижу славян. Я знаю, что это грешно. Но я не могу не ненавидеть их». В 1912 г. он писал: «Глава вторая Великого Переселения народов закончена. Наступает глава третья, в которой германские народы будут сражаться против русских и галлов. Никакая будущая конференция не сможет ослабить значения этого факта, ибо это не вопрос высокой политики, а вопрос выживания *расы*». Идеолог К. Кранц требовал расстаться с «наивным наследием Бисмарка» и послать войска на Варшаву, Ригу и Вильно. А пангерманист В. Хен утверждал, что «русские – это китайцы Запада», их души пропитал «вековой деспотизм», у них «нет ни чести, ни совести, они неблагодарны и любят лишь того, кого боятся… Они не в состоянии сложить дважды два… ни один русский не может даже стать паровозным машинистом… Неспособность этого народа поразительна, их умственное развитие не превышает уровня ученика немецкой средней школы. У них нет традиций, корней, культуры, на которую они могли бы опереться». Поэтому «без всякой потери для человечества их можно исключить из списка цивилизованных народов».

Была популярна идея Бернгарди: «Мы организуем великое насильственное выселение низших народов». А в период Балканских войн германская пресса начала кричать о «резком оживлении расового инстинкта» у славян, требовала «всех славян выкупать в грязной луже позора и бессилия» и доказывала, что грядущая война будет расовой, станет «последним сражением между славянами и германцами». Ну а Рорбах в своей книге «Война и политика» призывал поднять на эту битву все антироссийские силы и рассуждал: «Русское колоссальное государство со 170 миллионами населения должно вообще подвергнуться разделу в интересах европейской безопасности, ибо русская политика в течение продолжительного времени служит угрозой миру и существованию двух центральных европейских держав, Германии и Австро-Венгрии».

Очень благоприятным считался и союз с Турцией. Рорбах, Грейнфельд и другие пангерманисты полагали вполне реальным отторжение от России Кавказа, видели его выгодным объектом колонизации, а видный экономист Г. Гроте указывал: «Овладение Арменией даст нам большое преимущество для овладения Месопотамией… для господства даже над всем Ближ-

ним Востоком». Адмирал Лобей утверждал, что «Черное море должно стать немецким озером», а для этого следовало захватить «мост» на Кавказ через Украину. Другой идеолог, Де Лагард, был вполне с ним согласен и призывал очистить от русских Польшу, Прибалтику и Черноморское побережье. Дескать, это «миссия Германии», и ради этого немцы «имеют право применить силу». Граница, по его разумению, должна была установиться по линии Нарва – Псков – Витебск, но, кроме того, к рейху надо присоединить Украину, Крым и район Саратова, где проживают «этнические немцы».

Нет, конечно, не все немцы были пангерманистами. В стране были очень сильны и позиции социалистов, на выборах в 1913 г. им досталась треть мест в рейхстаге. Однако и германская социал-демократия брала на вооружение те стороны марксистского учения, которые, как казалось, подходили к требованиям текущего момента. А Маркс еще в 1870 г. горячо поддержал Франко-прусскую войну как «прогрессивную». Вдобавок Маркс и Энгельс были ярыми русофобами и главным препятствием для победы социализма в Европе считали «реакционную» Россию. А потому полагали, что любая война против нее заслуживает безусловной поддержки. Во времена Крымской кампании Энгельс доказывал, что даже режим султанской Турции в данном случае не имеет значения, так как «субъективно реакционная сила может во внешней политике выполнять объективно революционную миссию». И лидеры социал-демократии А. Бебель, В. Либкнехт тоже выступали за то, чтобы «встать на защиту европейской цивилизации от разложения ее примитивной Россией». А левые провозглашали Германию… лидером «мировой революции против плутократического Запада».

Так что стремление к войне в начале XX в. в Германии стало в полном смысле слова общенародным. И даже будущий великий гуманист Т. Манн в то время считал, что война должна быть «очищением, освобождением, великой надеждой. Победа Германии будет победой души. Германская душа противоположна пацифистскому идеалу цивилизации, поскольку не является ли мир элементом, разрушающим общество?» Вероятно, при другом раскладе сил в государственном руководстве подобные настроения не получили бы столь широкого развития и остались достоянием узкого круга прожектеров. Но во главе Германии стоял Вильгельм II со своей невыдержанностью и склонностью к аффектации. Юридически – будучи конституционным монархом, а фактически – неограниченным. И как раз такие теории соответствовали его личным взглядам. Но, с другой стороны – и сам он со всеми крайностями своей натуры попадал в струю «общественных чаяний», так что воинствующий пангерманизм и культ кайзера оказывались двумя сторонами одной медали.

Генерал Вальдерзее сравнивал Вильгельма с его отцом: «Я считал кайзера Фридриха крайне тщеславным государем – он любил драпироваться и позировать; но нынешний государь превзошел его во много раз. Он буквально гонится за овациями, и ничто не доставляет ему такого удовольствия, как «ура» ревущей толпы… так как он чрезвычайно высокого мнения о своих способностях». Да, о себе он был очень высокого мнения. Еще будучи ребенком, удивлял всех высказываниями, вроде: «Горе тем, кому я буду приказывать». А став императором, заявлял: «Немецкую политику делаю я сам, и моя страна должна следовать за мной, куда бы я ни шел». К министрам мог порой обратиться – «старые ослы», адмиралам сказать: «Вы все ни черта не знаете. Что-то знаю только я, и решаю здесь только я». В путешествиях на яхте заставлял «старых перечниц» генералов делать зарядку, подбадривая тумаками. Тем не менее перед ним пресмыкались и слушались его беспрекословно.

В парламенте «правые» и «левые» могли как угодно ругаться между собой, но стоило высказать мнение кайзеру, и вопрос решался почти единогласно. Культ кайзера пронизывал всю жизнь Германии. Монарх красовался на портретах не только в общественных местах, но и в каждой «приличной» немецкой семье, изображался в статуях, аллегориях, о нем слагались стихи и песни. Художники, поэты, музыканты соревновались в самой низкопробной лести. Известный ученый Дейсен провозглашал, что «кайзер поведет нас от Гете к Гомеру и Софо-

клу, от Канта к Платону». Историк Лампрехт в одном из трактатов утверждал, что Вильгельм – это «глубокая и самобытная индивидуальность с могучей волей и решающим влиянием, перед которым… раскрывается все обилие ощущений и переживаний художника». А выдающийся физик Слаби выводил доказательства, что не было случая, когда бы кайзер ошибся. И о натуре Вильгельма можно судить хотя бы по тому, что с доводами Слаби он вполне согласился, заявив: «Да, это правда, моим подданным вообще следовало бы попросту делать то, что я им говорю; но они желают думать самостоятельно, и от этого происходят все затруднения». Перед войной вышла и книга «Кайзер и молодежь. Значение речей кайзера для немецкого юношества», где в предисловии указывалось, что император – это «источник нашей мудрости, имеющий облагораживающее влияние».

А все это дополнялось культом военной силы. Еще в начале своего правления Вильгельм провозглашал: «Солдат и армия, а не парламентские большинства и их решения объединили империю. Я надеюсь на армию». Военные имели в империи высочайший статус. И школьники, и студенты оценивали сами себя главным образом с единственной точки зрения: насколько они способны стать военными. Сталелитейные магнаты, фирмы Тиссена, Круппа, Сименса вкладывали огромные средства в пропаганду армии и флота. В дела армии не позволялось вмешиваться никому, военнослужащие были неподсудны для гражданских властей. Все ключевые решения принимал сам Вильгельм, и начальник генштаба имел к нему прямой доступ в любой час дня и ночи.

Но и армию он воспитывал по-своему. Еще во Франкопрусской войне немцы отличились чрезмерной по тому времени жестокостью. Эти качества культивировались и позже. В 1891 г. в речи перед новобранцами кайзер поучал: «Может случиться так, что я отдам вам приказ стрелять в своих родственников, братьев, знакомых, и даже тогда вы должны выполнять мои приказы безропотно». Когда случилась забастовка трамвайщиков, он выразил пожелание частям, направленным подавлять беспорядки: «Я рассчитываю, что при вмешательстве войск будет убито не менее 500 человек». А в 1900 г., отправляя в Китай экспедиционный корпус, призвал солдат вести себя «как гунны»: «Пощады не давать, пленных не брать. Тот, кто попадет к вам в руки, в вашей власти». И они приучались действовать именно так. В 1904–1907 гг. произошло восстание племен гереро в Юго-Западной Африке. Германские войска под командованием Лотера фон Тротта «подавили» их настолько круто, что из 200 тысяч человек, составлявших народ гереро, в живых осталось около 15 тысяч, да и тех загнали в малопригодные для обитания пустыни Намибии… Да, нацизма еще не было, а это уже было. Только протестов еще не вызывало, так как, по «цивилизованным» понятиям начала XX века, «дикари» за людей не считались.

Наложили ли отпечаток «военные барабаны» на душу Генриха Мюллера? Наверняка. Конечно, как все дети, он тоже играл в «войнушку» – тем более что в Германии в то время ни во что другое дети и не играли. И о военных подвигах все дети мечтали… Но Генриху, судя по всему, долго играть не пришлось. И его мечты, если и сохранялись, то в глубине сознания. Не до того было. Он и образование сумел получить только начальное. Семья была бедной, малоземельной. Правда, отцу повезло, он считался толковым, деловым и трезвым работником, и его взяли управляющим в чужое имение. Однако баварские поместья были не чета огромным восточнопрусским латифундиям, тут хозяева сами порой еле сводили концы с концами. Тем не менее оклад управляющего был большим подспорьем.

Но надо ведь было и свое хозяйство вести, собственный земельный участочек обрабатывать, за скотиной ходить. Да и отцу в делах управляющего помочь – не ровен час, что-то не доглядит. А дальнейшее образование – оно денег стоило. И, закончив обязательные в Германии классы начальной школы, мальчик Генрих оставил учебу. Включился в нелегкие крестьянские труды…

А кроме обычных юношеских чаяний героизма, в среде баварских бедняков обычно вынашивались другие мечты относительно детей. Более скромные, но основательные. Чтобы сын стал государственным чиновником. Чтобы со временем, под старость, выслужил твердую пенсию. Очень престижной, например, считалась должность учителя в государственной школе. Это – уже величина, «в люди» вышел! Но для достижения подобной вершины требовалось высшее образование. Куда уж тут с начальным? Иное дело – если устроиться мелким служащим куда-нибудь на таможню. Или в полицию… Полицейский в Германии тоже считался «величиной», его уважали, его замечания беспрекословно исполнялись.

Такие установки, конечно, внушались и Генриху. Имел ли он еще в детстве интерес к полицейской службе, мы не знаем. В этот период, кстати, как раз завоевали популярность детективы, выходили все новые книжки о похождениях Шерлока Холмса, Ната Пинкертона… Но неизвестно, читал ли их Мюллер. Правда, впоследствии он очень любил «полицейские» произведения Чапека. Но это было уже много лет спустя, когда стали другими и время, и социальное положение Мюллера, да и сам он в значительной мере изменился. А в детстве – кто знает, было ли у него время читать книги? И деньги на них?

Доброволец имперской авиации

Война могла вспыхнуть намного раньше, чем это случилось. Вильгельм II провоцировал ее, пойдя на сближение с Турцией и объявив себя покровителем мусульман всего мира. Провоцировал в 1905 г., потребовав своей доли при разделе Марокко. И в 1911 г., направив в Марокко канонерскую лодку «Пантера». Провоцировал и в 1912 г., чуть не вмешавшись в Балканские войны. Избежать столкновения не могли ни Франция, ни Россия. Решали не они, а Германия. А она давно нацелилась нанести удары по обеим «соседкам». Попытки Николая II создать механизм мирного урегулирования конфликтов через Гаагский конгресс поднимались кайзером на смех, а уступки на Балканах воспринимались лишь в качестве доказательства слабости России. И если бы царь даже совсем бросил на растерзание Сербию и отказался от союза с Францией, это привело бы только лишь к тому, что вариант «пакта Молотова – Риббентропа» реализовался бы на четверть века раньше. Разгромив западных союзников, немцы все равно напали бы на Россию, и ей пришлось бы вести борьбу даже не один на один, а против мощной коалиции из Германии, Австро-Венгрии и Турции, к коим при таком раскладе почти наверняка примкнули бы Румыния, Италия, с большой долей вероятности Швеция и Япония.

Останавливали Вильгельма не уступки, а программа строительства собственного большого флота. Он опасался, что если сокрушит Францию, ее колонии достанутся не немцам, а англичанам. Ну а наращивание флота, в свою очередь, неизбежно втягивало в грядущий конфликт Великобританию. 8 декабря 1912 г., в период Балканского кризиса, Вильгельм созвал совещание военного руководства. Тема совещания была сформулирована как «Наилучшее время и метод развертывания войны». По мнению кайзера, начинать надо было немедленно. Мольтке соглашался, что «большая война неизбежна, и чем раньше она начнется, тем лучше». Но указывал, что надо провести пропагандистскую подготовку: «Следует лучше обеспечить народный характер войны против России». И лишь гросс-адмирал Тирпиц возразил, что моряки еще не совсем готовы: «Военно-морской флот был бы заинтересован в том, чтобы передвинуть начало крупномасштабных военных действий на полтора года». С его мнением согласились. А через полтора года – получалось лето 1914-го.

Как раз перед этим, в 1911–1912 гг., были приняты законы о чрезвычайном военном налоге, увеличении армии и программа модернизации вооружений. Рассчитана она была на 5 лет, до 1916 г. Но после данного совещания решили, что программа должна быть выполнена раньше – к весне 1914 г. И добавили к пакету еще несколько законов – о повышении расходов на вооружения путем введения налога на доходы и об очередном увеличении набора в армию.

Соседи отреагировали адекватно. Франция приняла закон о трехлетней военной службе – и к 1916 г. ее армия должна была увеличиться в полтора раза. А в марте 1914 г. программу перевооружения приняла Россия. И Мольтке писал, что «после 1917 г. мощь России окажется неодолимой», она будет «доминирующей силой в Европе», а, следовательно, «всякое промедление ослабляет шансы на успех». Была еще одна важная причина поскорее начинать войну. Как подсчитал профессор Лондонского университета Джолл: «Стоимость вооружений и экономическое напряжение германского общества были так велики, что только война, при которой все правила ортодоксального финансирования останавливались, спасла германское государство от банкротства». И начаться война должна была именно на Балканах, чтобы союзная Австро-Венгрия не вильнула в сторону. Кайзер указывал канцлеру Бетман-Гольвегу, что для этого требуется «хорошая провокация», и «при нашей более или менее ловкой дипломатии и ловко направляемой прессе таковую можно сконструировать».

Но от «конструирования» провокации немцев избавили сербские заговорщики. Когда прозвучали выстрелы в Сараеве, Вильгельм находился в Киле на праздновании «Недели флота». И на полях доклада о теракте он обрадованно начертал: «Jetzt oder niemals» («Теперь

или никогда»). А банкир Варбург, тоже приглашенный на праздник, был крайне удивлен, когда кайзер, узнав об убийстве сербами эрцгерцога Франца Фердинанда, заговорил вдруг о «предупредительной» войне… против Франции.

В германском обществе объявление войны вызвало единодушный восторженный порыв. Рейхстаг почти единогласно проголосовал за военные кредиты. По всей стране прокатились шовинистические манифестации и «факельцуги». Взахлеб повторялось выражение кронпринца Вильгельма «frischfrolich Krieg», что можно перевести, как «освежающая веселая война». Многие вступали в армию добровольцами. Одним из них, кстати, стал австриец Адольф Гитлер. От призыва в многонациональную австро-венгерскую армию он уклонился, поскольку сражаться за разношерстную империю Габсбургов, зараженную «славянством» и «еврейством», не желал. Но войну считал необходимой и писал, что «само существование германской нации было под вопросом». Перебравшись в Мюнхен, он 3 августа 1914 г. подал петицию с просьбой принять его волонтером на имя короля Баварии Людвига III (в Германии наряду с императором еще сохранялись престолы королей и герцогов отдельных земель, хотя власть их была уже чисто номинальной). Прошение уважили, и Гитлер был призван добровольцем в запасной полк, вскоре направленный в Бельгию.

Но первые жертвы и «пленные» появились не на фронте. Если Россия позволила свободно выехать всем подданным враждующих государств, очутившимся на ее территории к началу войны, а Франция и Англия интернировали их, то в Германии дело обстояло иначе. Было лето, многие россияне приехали сюда отдохнуть на немецких курортах, подлечиться в здешних клиниках, ехали поступать в германские университеты. В одном лишь Берлине оказалось свыше 50 тысяч русских. А в Восточную Пруссию прибыли десятки тысяч сезонников из Русской Польши, Литвы, Белоруссии. И в Германии началась дикая русофобская истерия.

Из клиник вышвыривали на улицы послеоперационных больных. Озверевшие толпы ловили и избивали «шпионов», некоторых до смерти. Очевидцы описывают факты, как одну женщину буквально растерзали, другую, студентку – не успели, с нее только сорвали всю одежду и в таком виде сдали подоспевшей полиции. Русских арестовывали всюду, полицейских участков не хватало, и людей свозили в казармы воинских частей. Мужчин призывного возраста объявляли даже не интернированными, а сразу военнопленными. Били, глумились. Свидетель пишет, что в казармах драгунского полка под Берлином офицеры «обыскивали только женщин, и притом наиболее молодых. Один из лейтенантов так увлекся обыском молодой барышни, что ее отец не вытерпел, подбежал к офицеру и дал ему пощечину. Несчастного отца командир полка приказал схватить, и тут же, на глазах русских пассажиров его расстреляли».

При посредничестве нейтральных государств женщинам, детям и старикам все же позволили выехать. Станиславский, очутившийся в Германии со своим театром, описывает, как массу людей, измученных и голодных, гоняли с поезда на поезд, высаживали на станциях. При этом лупили, подгоняли пинками, заставляли ходить строем. Конвоиры, сопровождающие их до границы Швейцарии, не уставали издеваться. Офицеры и тут периодически развлекались обысками женщин, требуя от них при этом раздеваться догола.

А солдаты с винтовками сопровождали дам в уборную, не разрешая закрывать за собой дверь. Жене Станиславского актрисе Лилиной, пытавшейся противиться, когда ей приказали обнажиться для «обыска», офицер разбил лицо рукояткой револьвера. А ехавшей с ними московской старушке-баронессе офицерам очень понравилось давать пощечины. И она кричала: «Что вы делаете? Я же приехала к вам лечиться, а вы меня избиваете…» С массами рабочих-сезонников обошлись еще проще, чем с «культурной публикой». Всех обобрали, мужчин объявили пленными, а женщин отправили на работы в те же прусские поместья, но уже на рабских условиях. Тех, кто пробовал протестовать и требовать отправки в Россию, расстреливали на месте…

Что ж, если кайзер уже во многом выглядел как бы «эскизом» фюрера, то и поведение германской армии и администрации в Первую мировую войну стало как бы «репетицией» того, что будет во Второй мировой. Масштабы пока были поменьше, еще отбрасывались не все «условности», но черты «белокурой бестии», которая зальет кровью Европу, уже просматривались. Еще Клаузевиц ввел в свое учение о войне «теорию устрашения». Писал, что «нужно бороться против заблуждений, которые исходят из добродушия». Он доказывал, что мирное население должно испытывать все тяготы войны – тогда оно будет воздействовать на правительство, чтобы поскорее запросило мира. Шлиффен дополнил эти мысли «доктриной устрашения». И в 1902 г. германский генштаб издал «Kriegsbrauch im Andkriege» – официальный кодекс ведения войны. В нем разделялись принципы «Kriegsraison» – военной необходимости, и «Kriegsmanier» – законы и обычаи военных действий, причем подчеркивалось, что первые всегда должны стоять выше вторых.

По планам «блицкрига» оставлять крупные силы в тылу для поддержания порядка было нельзя. А значит, требовалось сразу же так запугать местное население, чтоб и пикнуть не смело. Никакого партизанского движения еще и в помине не существовало, но везде, куда вступали германские войска, на людей обрушивался «превентивный террор». Так было, например, в оставленном русскими частями Зависленском крае – Ченстохове, Калише и др. С городов взимали контрибуции, брали и расстреливали заложников, грабили. Взрослых мужчин объявляли военнопленными и угоняли в Германию. Мирный Калиш бомбардировали из орудий, перебив сотни жителей.

В Бельгии за «враждебные акции» или просто за «нелояльность» приказами ставки и командующих армиями Клюка, Бюлова и Хаузена прямо предписывались «жестокие и непреклонные меры», «расстрел отдельных лиц и сжигание домов». Во исполнение этих приказов шли казни заложников в Варсаже, Визе, Баттисе, Вавре. Сперва брали трех заложников с населенного пункта, потом стали брать по одному с улицы, потом по десять с улицы. В Аэршоте расстреляли 150 человек, в Анденне – 110, в Белгстуне – 211, в Сейле – 50, в Тилине – 384, в Динане – 612 от стариков и старух до трехнедельного младенца Феликса Феве. Город Лувэн сожгли полностью, перебив поголовно население вплоть до женщин и детей. Во Франции аналогичные расправы над мирными жителями шли в Бразейле, Санлисе, Монмеди, Этене, Конфлане, Реймсе, Номени.

Кстати, в подобных акциях получали свой первый «опыт» обращения с населением оккупированных территорий будущие нацистские военачальники. Например, ротмистр фон Клейст, который, по свидетельству его подчиненного Блома, приказывал брать в каждом населенном пункте «от каждого двора… по мужчине, а если мужчин не было – то женщин». Если чудились какие-то враждебные акции, «заложников казнили». Отметился и будущий фельдмаршал Манштейн (Левински) – он служил адъютантом в гвардейском резервном полку, устроившем бойню в Намюре, где расстреляли по 10 человек с каждой улицы. Поучаствовал в терроре и командир роты полка кронпринца Вильгельма лейтенант Геринг… «Культурная» нация в 1914 г. вытворяла и другие неприглядные вещи. Так, в Лотарингии (в немецкой ее части, на своей территории) разрыли могилы предков французского президента Пуанкаре, и офицеры (да, офицеры!) испражнялись на их останки. В отместку за поражение на Марне по приказу фон Бюлова подвергли жестокой артиллерийской бомбардировке г. Реймс (находившийся в германском тылу и оккупированный), разрушили знаменитый Реймский собор, место коронации королей Франции.

Еще в те годы, задолго до нацизма, вырабатывался и опыт «особого» обращения с русскими пленными. Содержание их было жутким. На день полагалось 100 г. эрзац-хлеба с массой примесей и жиденькая баланда из картофельной шелухи и кормовой брюквы, изредка давали тухлые селедочные головы. Бараки не отапливали, людей размещали вповалку на голой земле, выдавая один трухлявый соломенный матрац на троих. Санитарного и медицинского обслу-

живания не было, и первые умершие пленные зафиксированы в сентябре 14-го в Виттенбергском лагере (50 км от Берлина). За побег переводили в штрафные лагеря, за неподчинение приказам лагерного начальства расстреливали. А вдобавок направляли на тяжелые работы, в том числе и запрещенные международным правом – на военные заводы, строительство укреплений. Причем таким было обращение только с русскими. Англичане и французы жили в куда более человеческих условиях, работ для них не предусматривалось, они могли получать письма и продовольственные посылки через Красный Крест. Русским посылки тоже отправлялись, но не доходили никогда. Их употребляли сами немцы, а пленным внушали, будто родина от них отказалась, и при возвращении домой их ждет только Сибирь.

Вот только германские планы войны с самого начала пошли насмарку. События Первой мировой в истории получили очень искаженное и одностороннее освещение. Все западные авторы писали свои труды о русском фронте сугубо на основании немецких данных, а они зачастую были лишь пропагандой военного времени – столь же далекой от истины, как и любая другая пропаганда. Советская литература по понятным причинам тоже поддерживала легенду об «отсталости царизма» и неудачах русской армии. Да и эмигрантам-либералам требовалось оправдаться, зачем же они все-таки свергали Николая II. Вот и создалась иллюзия «объективности». И получается, что читателю хорошо известно лишь о русских поражениях, хотя побед было гораздо больше.

Допустим, каждый знает о разгроме двух корпусов Самсонова в Восточной Пруссии. Но замалчивается, что предшествовала этому блестящая победа Ренненкампфа под Гумбинненом, в результате которой германскому командованию пришлось снимать из Франции 2,5 корпуса и задержать отправку туда резервов. А в итоге немцев попятили на Марне, и рухнул весь план Шлиффена. Замалчивается, что в том же 1914 г. русские войска в пух и прах разбили несколько австро-венгерских и турецких армий, да и Гинденбурга основательно потрепали на Висле и под Лодзью… В 1915 г. германское руководство решило перенести главный удар на Россию, перебросив на восток львиную долю своих сил. В условиях катастрофического дефицита боеприпасов и отсутствия помощи союзников наши войска понесли очень большие потери, им пришлось оставить значительную территорию – Польшу, Литву, Галицию, часть Латвии и Белоруссии. Но план окружить и уничтожить царские армии и вывести Россию из войны все же сорвался. Отход был осуществлен в относительном порядке, была сохранена целостность фронта и боеспособность, и враг выдохся, получая отпор на новых рубежах.

И на Западном, и на Восточном фронтах установилась позиционная война. Война на истощение, по сути, гибельная для блока Центральных держав, поскольку людские и материальные ресурсы Антанты значительно превосходили их. И как раз тогда германское командование и правительство сделали ставку на внутреннее разрушение противоборствующих государств. Оказывали поддержку ирландским сепаратистам, инициируя их восстание против англичан. Подкармливали французских оппозиционеров и пацифистов. Но главные усилия были направлены на расшатывание России. Возглавил эту деятельность Израиль Лазаревич Парвус (Гельфанд), бывший российский революционер, служивший финансовым экспертом турецкого правительства.

Он составил для германских высших кругов меморандум, где указывалось: «Русская демократия может реализовать свои цели только посредством полного сокрушения царизма и расчленения России на малые государства. Германия, со своей стороны, не добьется успеха, если не сумеет возбудить крупномасштабную революцию в России. Русская опасность будет, однако, существовать даже после войны, до тех пор, пока русская империя не будет расколота на свои компоненты. Интересы германского правительства совпадают с интересами русских революционеров». Его идеи понравились в Берлине, их поддержали канцлер Бетман-Гольвег, министр иностранных дел Ягов, генералы Фалькенгайн, Гинденбург, Людендорф, одобрил и

сам кайзер. Парвусу сразу же было выделено 2 млн. марок на работу по разрушению России, потом еще 20 млн., а осенью 1915 г. еще 40 млн.

Парвус централизовал деятельность всех антироссийских сил: большевиков, части меньшевиков, националистов, сепаратистов. Для координации их акций возник штаб в Копенгагене, налаживались каналы финансирования. Однако и эти меры поначалу приносили скромные результаты. Потому что подавляющее большинство населения России было настроено патриотически. Антивоенная пропаганда успеха не имела, и тем же большевикам если и удавалось возбуждать массы, то только под патриотическими лозунгами – мол, царь и правительство «продались немцам».

Впрочем, и методы, которые использовались в войне Центральными державами, пропаганде интернационализма никак не способствовали. Османская империя учинила чудовищный геноцид христиан, вырезав 2 миллиона армян, айсоров, сирийцев. Австрийцы, вернувшие Галицию после отступления царской армии, зверствовали над местными жителями, хорошо встретившими русских. Для расстрела и виселицы было достаточно одного доноса. Истреблялось православное духовенство. А всю галицийскую интеллигенцию за исключением националистов-«мазепинцев» объявили «русофильской» и ссылали в страшный концлагерь Телергоф. Газовых камер там еще не было, но были голод, побои, болезни, изнурительный труд. Были поверки с многочасовым стоянием на «аппельплаце» под зноем, дождем, на холоде. Был быстрый суд, выносивший смертные приговоры за любую мелочь. Были карцеры с кандалами, порками, подвешиванием за руки и ноги в горизонтальном положении, бастонадой по пяткам. Были садисты-надзиратели, забивавшие людей насмерть. Словом, только техника пока «отставала», но из Телергофа мало кто возвращался.

В оккупированной Сербии австрийцы учинили массовый террор. Военно-полевые суды казнили людей сотнями, считая это местью за Франца-Фердинанда. Объявлялось, что каждый серб – бандит или родственник бандита. Когда американский корреспондент Шепперт, ставший свидетелем этих зверств, обратился к офицерам штаба генерала Потиорека с вопросом, зачем же казнят мирных женщин, ему, не особо подумавши, ляпнули: дескать, ничего подобного, из мирного населения уничтожают только мужчин. И скабрезно шутили, что женщинам можно найти другое применение. В российском Луцке австрийцы тоже первым делом возвели в городском саду шеренгу виселиц – они в армии строились профессионально, саперами. И не пустовали никогда. Были дни, когда вешали по 40 человек.

Безобразия творились и в германских зонах оккупации. По-прежнему казнили заложников, грабили. Даже Людендорф признавал, что «у населения отбирали лошадей, скот, продовольствие, брали все что придется». Германские соединения, отводимые в тыл для отдыха, оттягивались так круто, что превращали любой город в большой бордель. Солдатня безобразничала, била стекла и витрины, а всех французских или польских женщин считала бесплатным «персоналом заведения», предоставленным в их полное распоряжение. Хватали первых попавшихся дам и девушек на улицах, врывались в дома. Начальник французской разведки Нюдан, демонстрируя генералу Игнатьеву донесения агентуры об этих оргиях, отмечал: «Без пьянства и разврата немцы не могут воевать». Российское правительство образовало чрезвычайную следственную комиссию по расследованию зверств оккупантов, и в 1916 г. она выпустила обзор собранных материалов, где приводились многочисленные факты убийств и истязаний гражданских лиц и пленных, использования мирных жителей в качестве «живого щита».

А германские политики и военные уже начинали «делить пирог». Министр иностранных дел фон Ягов, представил кайзеру меморандум, где писалось: «До сих пор гигантская Российская империя с ее неиссякаемыми людскими ресурсами, способностью к экономическому возрождению и экспансионистскими тенденциями нависала над Западной Европой как кошмар. Несмотря на влияние западной цивилизации, открытое для нее Петром Великим и германской династией, которая последовала за ним, ее фундаментальная византийско-восточная культура

отделяет ее от латинской культуры Запада. Русская раса, частично славянская, частично монгольская, является враждебной германо-латинским народам Запада…» Как видим, терминология уже очень смахивала на грядущие труды доктора Геббельса.

Рекомендовалось отделить от России национальные окраины и создать из них марионеточные государства, управляемые Германией «на римский манер». А Литву, Курляндию, часть Польши сделать объектами прямой «германизации». Тайный советник МИД М. Серинг в своем докладе отмечал, что в Курляндии это будет легко, 10 % немецкого населения, уже имевшихся там, «будет достаточно для германизации крестьян, рабочих и интеллигенции. Экономические меры и германские средние школы сделают свое дело». А из Литвы предполагалось депортировать поляков, сделать «немцами» «наиболее производительных крестьян».

Предусматривалось и переселение в «германизируемые» области колонистов из Германии и «фольксдойче» из внутренней России.

Практическая реализация данных планов была временно возложена на командование Обер-Ост во главе с Гинденбургом и Людендорфом. И Людендорф писал: «Я был полон решимости восстановить на оккупированной территории цивилизаторскую работу, которой немцы занимались здесь многие столетия. Население, представляющее собой такую смесь рас, не может создать собственную культуру, оно подвергнется польскому доминированию». По воспоминаниям современников, Людендорф в своем штабе «изучал демографическую статистику, как боевые сводки». А началась «цивилизаторская работа» с назначения генерал-интенданта оккупированных земель Эрнста фон Айзенхарта-Роте, повсеместного внедрения военно-полевых судов и… разрушения системы образования. Согласно приказам германского командования, отныне учителями могли быть только немцы, а преподавание разрешалось только на немецком языке. Все прочие учебные заведения закрывались – русские, польские, литовские, латышские. В том числе и польский университет в Вильно, учрежденный Александром I. Немецкий язык был объявлен и единственным официальным языком в оккупированных областях – на нем должны были писать все вывески, говорить в местных административных и хозяйственных учреждениях. Соответственно, и руководящие посты могли занимать только немцы или лица, свободно владеющие этим языком.

Но пока берлинские политики, возбужденные успехами, перекраивали границы Европы, а генералы слали победные реляции о захваченных огромных территориях, внутреннее положение Германии ухудшалось. На затяжную войну не рассчитывало ни одно государство, и в первую очередь это коснулось Германии и Австро-Венгрии, очутившихся в условиях, близких к блокаде. В 1915 г. стратегические запасы продовольствия и сырья, заготовленные на время конфликта, стали иссякать. В связи с призывами в армию и огромными потерями ощущался острый дефицит рабочих рук, особенно в сельском хозяйстве. Нехватку трудовых ресурсов пытались восполнить угонами людей с оккупированных территорий. Гинденбург и Людендорф в приказах войскам особо требовали: «Берите пленных». Специально для использования на полях и на заводах. Почтальонами, кондукторами, железнодорожными служащими, делопроизводителями, курьерами стали работать женщины (что прежде было немыслимо).

Германия первой из воюющих держав, уже в феврале 1915 г., ввела хлебные карточки. По ним полагалось 225 г муки в день на взрослого человека, а детям старше года – 100 г. Хлеб начали выпекать суррогатный, смешивая с картофелем. Яйца стали предметом роскоши. А газеты по правительственным подсказкам писали о вреде сливок и расхваливали «тощий сыр» из снятого молока. Людей призывали к экономии. Пресса рекомендовала не чистить картошку, поскольку при этом теряется 15 % веса. Граждан уговаривали не крахмалить воротнички и манжеты, отложить до победы переклеивание обоев – на клейстер расходовался питательный крахмал. Советовали не стирать часто белье – на изготовление мыла нужны жиры. А лаборатория профессора Эльцбахера публиковала результаты своих исследований, что резервы еще

можно изыскать, поскольку каждый немец ежедневно выбрасывает в отходы до 20 г жиров при мойке посуды. И чем дальше, тем труднее становилось германскому обывателю.

А Россия очень быстро оправилась от ударов. Преодолела кризис с вооружением и боеприпасами. В 1915–1916 гг. она совершила гигантский промышленный рывок, по масштабам своего времени сопоставимый с рывком 1941–1943 гг. По подсчетам академика Струмилина, производственный потенциал России в период Первой мировой вырос на 40 %. Производство машинного оборудования всех типов возросло более чем втрое, а химической промышленности – вдвое. По выпуску артиллерии Россия обогнала и Англию, и Францию, производство орудий увеличилось в 10 раз, снарядов в 20 раз, винтовок в 11 раз. Возникло 3 тыс. новых заводов и фабрик, проложено более 5 тыс. км железнодорожных магистралей, был построен новый незамерзающий порт Мурманск. Летом 1916 г. генерал Брусилов нанес сокрушительное поражение врагу на Юго-Западном фронте. Юденич наголову разгромил турок, заняв территории, превышающие все российское Закавказье. А на западе немцы ввязались в такие кровопролитные многомесячные «мясорубки», как сражения у Вердена и на Сомме…

Росли потери. Кстати, данные о потерях русской армии в литературе часто приводятся неточные, основанные на слухах и германской пропаганде. В действительности же на февраль 1917 г. Россия потеряла на всех фронтах убитыми и умершими от ран около 600 тысяч солдат и офицеров (ЦГВИА СССР, ф. 2003, оп. 1, д. 186, л. 98). Во Франции на тот же период погибло 850 тысяч, в Германии – 1 миллион 50 тысяч, по Австро-Венгрии и Турции точные данные отсутствуют, но и у них повыбило немало. В связи с катастрофической ситуацией кайзер осенью 1916 г. снял начальника генштаба Фалькенгайна, назначив на его место популярного Гинденбурга. Впрочем, сам Гинденбург мало занимался делами, он был, скорее, лишь авторитетной «вывеской». Реально же при нем в полной мере распоряжался энергичный и талантливый Людендорф. Оба они поставили условие своего назначения – диктатура. И Вильгельм II фактически отошел от дел. В руках Гинденбурга и Людендорфа сконцентрировалось руководство как фронтом, так и тылом.

Был выдвинут лозунг «durchalten» – продержаться. Держаться и выиграть время в надежде, что какие-нибудь перемены откроют для Германии благоприятный выход из катастрофической ситуации. Была принята «программа Гинденбурга» – «Закон о конфискациях и реквизициях в военное время», практически перечеркивавший право собственности, «Закон об отечественной вспомогательной службе» – все мужчины, не призванные в армию, от 16 до 60 лет, считались мобилизованными, их разрешалось без ограничений привлекать на любые работы, и никаких протестов и забастовок не допускалось. Теперь каждый немец был обязан жить и умирать «только на службе отечеству». В армию призывали уже лиц от 17 до 45 лет, а на производстве их заменяли рабами с оккупированных территорий, из одной лишь Бельгии пригнали 700 тысяч рабочих.

Но ресурсы Германии были исчерпаны. Для производства снарядов и патронов не хватало меди – германские женщины по призывам правительства сдавали даже медную посуду. Упала добыча угля – его некому стало добывать. Все, что удавалось выжать из шахт, шло на военные заводы, жилые дома не отапливались. Из-за нехватки рабочих рук, тягловой силы, удобрений, урожайность снизилась до 60–40 % довоенной. И при этом урожай еще и не могли собрать. В 1916 г. в дополнение к хлебным карточкам появились карточки на масло, жиры, картофель, мясо, одежду. Для крестьян, фермеров, помещиков была введена полная сдача сельхозпродуктов государству.

Как писали современники, «к концу 1916 г. жизнь для большинства граждан стала временем, когда прием пищи уже не насыщал, жизнь протекала в нетопленных жилищах, одежду было трудно найти, а ботинки текли. День начинался и кончался эрзацем». Зимой 1916–1917 гг. в Германии не стало даже картофеля. Его заменяли брюквой, и эту зиму прозвали «брюквенной». А к весне было произведено очередное урезание карточек, по ним теперь пола-

галось 179 г муки в день или 1,6 кг суррогатного хлеба на неделю. Недоедание вызывало падение производительности труда. Ослабленные люди болели, подскочила смертность. И становилось ясно, что если даже выдержит фронт, то следующую военную зиму Германия вряд ли вытянет. Людендорф писал: «Виды на будущее были чрезвычайно серьезны», а «наше положение – чрезвычайно затруднительным и почти безвыходным».

Нарастали усталость и общее уныние. В победу больше не верили. Возникали и внутренние трения. Так, Бавария и другие южные земли возмущались, что много продовольствия вывозится на север страны. В баварских деревнях с населением 300–400 человек насчитывалось по 20–30 погибших на фронте.

Генрих Мюллер все эти тяготы не только видел, но и испытал на себе. Правда, баварские крестьяне все же не голодали – несмотря на принудительную сдачу скота и всего урожая, «на земле», при своем хозяйстве можно было подкормиться. Но все равно приходилось затягивать пояса, ужиматься во всем. Тем не менее юный горячий патриотизм Мюллера отнюдь не угас. Может быть, как раз со времен войны он стал презирать интеллигенцию – которая сперва легко загорелась «на подвиг», а потом, обжегшись и разочаровавшись, ударилась в пацифизм и оппозицию властям. С подачи В. Шелленберга и ряда исследователей, например, Ж. Деларю, почему-то принято представлять Мюллера эдаким ограниченным, низменным человеком, чьи помыслы не шли дальше угождения начальству и примитивных житейских благ. Вот уж нет. При изучении его биографии нетрудно увидеть совершенно иное. Оказывается, он умел мечтать. И еще как мечтать!

Точно так же, как во Вторую мировую кумирами публики становились разведчики, в Первую мировую ими были летчики. Военная авиация была совершенно новым видом войск. Ее тактика, искусство ведения боев только-только нарождались, большинство пилотов еще имели о них смутное понятие. Зато те, кто первым освоил это мастерство, почитались настоящими героями. На всю Германию гремели имена братьев Рихтгофен, Фосса и других асов, десятками сбивавших самолеты врага. О них взахлеб писали газеты, их фотографии бережно вырезали и вешали на стены, о них грезила ребятня и вздыхали женщины. О них ходили легенды.

Например, как за голову Рихтгофена-старшего англичане назначили вознаграждение. А он сбросил им письмо – мол, чтобы легче было меня найти, я выкрашу свой аэроплан в красный цвет. Но на следующий день покрасила красной краской самолеты вся его эскадрилья – один за всех и все за одного. Или история, как Рихтгофен сошелся в жестокой схватке с британским асом. В критический момент у одного из них заклинило пулемет (у кого именно, в разной передаче различается), и противник, поняв это, тоже не стал стрелять, помахал рукой и ушел – встретимся в другой раз. Казалось, в лице летчиков возрождается дух древнего рыцарства…

И Мюллер, недоучившийся крестьянский мальчишка, вознамерился тоже стать пилотом! По закону, введенному Гинденбургом и Людендорфом, в армию брали семнадцатилетних, хотя в большинстве их направляли на тыловую и охранную службу. Но Мюллер, едва ему стукнуло семнадцать, подал прошение о зачислении его добровольцем в авиационную группу. Подал и… ему повезло. Причем, может быть, повезло чисто случайно. Потому что фактический диктатор Людендорф, высоко оценивая значение авиации, как раз в это время поставил перед промышленностью задачу повысить выпуск самолетов до 300 в месяц. Но для резкого наращивания авиации требовались не только аэропланы, для них требовались летчики. Подготовку авиационных кадров также было решено значительно расширить, производились дополнительные наборы. И 17 июня 1917 г. Генриха Мюллера приняли в учебный отряд.

Уж конечно же, ему пришлось очень тяжело. Предстояло освоить сложную технику – о которой он прежде не имел ни малейшего представления. Мало того, наверняка должны были наложиться психологические проблемы. Ведь авиация в Германии считалась «аристократическим» видом войск. В нее шли отпрыски родовитых фамилий, «золотая» молодежь.

Порой переквалифицировались в летчиков пехотные, кавалерийские офицеры – уже понюхавшие пороху, имеющие награды. В таком обществе зеленый баварский пацан, грубоватый и малокультурный, неизбежно выглядел «белой вороной» – угловатый, с «квадратной» головой, с непропорционально большими натруженными ладонями и толстыми пальцами…

Очевидно, были и насмешки, и унижения, и оскорбления. Но Мюллер выдержал. Преодолевал эти унижения. Точнее – умел таить в себе. Он был человеком злопамятным. Хотя в то время было не до злопамятности. Главное было выучиться. Выйти в небо. А значит – и в «люди». И он старался. Ухаживал за своей учебной машиной так же тщательно, как за лошадью или за свиньями. А его большие руки брали рукоятку управления так же твердо и уверенно, как привычную рукоять лопаты… И Генрих добился своего. Пусть не сразу. Пусть через упорство, через огромный труд. Но труда он не боялся никогда. И добился. Мощный бомбардировщик покорился мальчишке.

Первый взлет и Версальское крушение

Очень многие «действующие лица» Второй мировой войны вышли из Первой мировой. На ее фронтах впервые блестяще проявили себя унтер-офицер Георгий Жуков, штабс-капитаны Василевский и Толбухин, ефрейторы Малиновский, Батов, Красовский, рядовой Рыбалко, унтер-офицеры Рокоссовский, Тюленев, Тимошенко, Конев, полковник Шапошников, подпоручик Баграмян, вахмистр Буденный. Водили в атаку эсминцы будущие адмиралы Галлер и Исаков. Храбро дрались будущие командармы Сафонов, Болдин, Кузнецов, Белов, Богданов. А в конце 1916 г. был призван в состав 15-го Сибирского запасного полка рядовой И.В. Джугашвили…

В составе Чехословацкой бригады участвовал в Брусиловском прорыве и заслужил два Георгиевских креста командир взвода Л. Свобода, будущий командир Чехословацкого корпуса и президент страны. В российском Польском легионе воевал М. Жимерский, будущий главнокомандующий Войска Польского. Во Франции после ухода с поста Первого лорда адмиралтейства толково командовал солдатами У. Черчилль, проявил себя талантливым офицером молодой Монтгомери. Под Верденом попал в плен де Голль, после нескольких попыток побега был брошен в тюрьму – и может быть, как раз из этого опыта вынес твердое убеждение на будущее, что сдаваться немцам нельзя.

В штабе 2-й румынской армии выделялся в лучшую сторону деловитостью и энергией (и в худшую – прогерманскими симпатиями) капитан Йон Антонеску. На Итальянском фронте бывший редактор левой газеты Бенито Муссолини дослужился до капрала и был ранен. А поскольку флот Австро-Венгрии всю войну проторчал без дела, то ничем не смог отличиться капитан I ранга Миклош Хорти. Ну а в Германии школу Первой мировой прошли фактически все военачальники войны грядущей – Браухич, Рунштедт, Манштейн, Клейст, Лееб, Клюге, Кюхлер, Гальдер, Паулюс, Редер, Рихтгофен, Геринг, Шперле, Шернер, Вейхс, Бок, Кейтель, Фалькенхорст, Томас, Гудериан, Рейхенау, Рейнхардт, Лист, Вицлебен, Мильх, Кессельринг, Хубе, Штеммерман и т. д. и т. п.

Неплохо воевал и Гитлер. В армии ему вообще понравилось. Один из офицеров потом вспоминал, что полк стал для него «словно дом родной». А сам он писал: «Я оглядываюсь на эти дни с гордостью и тоской по ним». Он заслужил репутацию образцового солдата, выполнял обязанности связного и был известен способностью доставить по назначению донесение даже под самым жестоким огнем, за что был награжден Железным крестом II степени. Гитлер считался «везунчиком». Ведь на войне нередко бывает, что одних убивает или ранит в первых же обстрелах и атаках, а другие приспосабливаются, становятся опытными бойцами и подолгу остаются в строю. И в то время как на Западном фронте солдат выкашивало целыми ротами и батальонами, Гитлер два года провоевал без единой царапины. Лишь в октябре 1916-го его ранило в ногу. После излечения в госпитале он получил отпуск, посетил Берлин и Мюнхен. Но тыловые города произвели на него ужасное впечатление царившими там пораженческими настроениями. Гитлер отнес это на счет евреев и вражеской пропаганды. И именно тогда ему пришла мысль после войны заняться политикой.

Как ни парадоксально, выручили немцев западные союзники России. Центральные державы вот-вот должны были сломаться. В войну готовилась вступить Америка. Победа Антанты виделась не позже осени 1917 г. Но англичане и французы сочли, что при грядущем переделе мира им будет удобнее вести дела не с царским, а с либеральным правительством. Добавили свою лепту США, видевшие в усилившейся России своего главного конкурента. Америка вынашивала собственные планы, вела собственные игры. В окружении президента Вильсона впервые стали вырабатываться планы достижения мирового лидерства. Государства Европы были ослаблены и разорены войной, а США, напротив, разбогатели на поставках в период

нейтралитета, добились колоссального экономического подъема. Теперь, чтобы продиктовать свои условия мира, им требовалось вступить в схватку, оказаться в лагере победителей. Но… исключить из числа победителей Россию. При активной поддержке Запада, при участии американо-британских спецслужб развернулась массированная легальная, думская пропаганда против царя. Причем направленность этой агитации совпала и с нелегальной, прогерманской. И грянула Февральская революция. Последствия ее были катастрофическими. Временное правительство, подобно всем «перестроечникам» хорошо умевшее болтать, но не способное ни к каким действиям, своими горе-реформами мгновенно развалило и страну, и армию.

Вот тогда-то и пришла пора реализации подрывных программ, намечавшихся германским руководством, и в российский хаос и неразбериху был брошен идеологический десант во главе с Лениным (этой операцией лично руководил начальник германской разведки полковник Николаи). Многие видные большевики были кадровыми немецкими шпионами – Коллонтай, Радек, Раковский, Ганецкий и др. Усилилось финансирование, осуществлявшееся через Швецию и Норвегию при посредничестве Парвуса.

Обстановка теперь вполне способствовала успехам большевиков – митинговщина, упадок промышленности и хозяйства, паралич правоохранительных органов, разгул преступности. А на фронтах пошло такое разложение и бестолковщина, что подобная война была уже совершенно непонятна и не нужна никому. И это, в свою очередь, создало прекрасную почву для лозунгов «Штык в землю!». Меньше чем за год сменяющиеся кабинеты Временного правительства утратили всякую поддержку народа, и большевики смогли захватить власть. За что расплатились с Германией Брестским миром. По условиям позорного договора от России были отделены Украина, Польша, Прибалтика, Финляндия, Закавказье. Германии и Австро-Венгрии возвращалось более 2 миллионов пленных, отходили огромные запасы оружия и боеприпасов в прифронтовых складах. Советская Россия заключала с немцами кабальный торговый договор, обязуясь поставлять сырье и продовольствие…

Все это позволило Центральным державам продержаться еще год, одержать ряд побед. Весной 1918 г. германское командование наметило мощнейшее наступление во Франции. Это была решающая битва, последний шанс немцев одержать победу – разгромить англичан и французов, взять Париж и принудить противников к капитуляции до того, как в Европу прибудут значительные американские контингенты. Подготовка к удару велась очень тщательно. На французском фронте сосредотачивались все германские силы. Пополнялись части, потрепанные в прошлых боях, стягивались вновь созданные соединения, перебрасывались войска, высвободившиеся в России.

В апреле 1918 г. прибыл на фронт и Мюллер – перед наступлением Людендорф собрал на западе все сформированные авиагруппы. И, как описывают участники этого сражения, оно началось настоящей мешаниной в воздухе. Трещали моторами сотни самолетов – «ньюпоры», «сопвичи», «вуазены», «фокке-вульфы», «месершмитты», «альбатросы», «спады», «бристоль-файтеры», «юнкерсы». Бросали бомбы, резали друг друга пулеметными очередями. Но битва развернулась не только в прифронтовой полосе. Новейшие германские тяжелые бомбардировщики «гигант» нанесли удары по глубоким тылам, в том числе по неприятельским столицам, Лондону и Парижу. Как раз на этих самолетах довелось летать Мюллеру.

Родоначальницей бомбардировочной авиации являлась Россия. К началу Первой мировой войны во всех западных странах – Англии, Франции, Германии, бытовало мнение, что выгоднее строить легкие многоцелевые самолеты, которые могут использоваться для разведки, связи, корректировки артиллерии, ну а попутно брать небольшие бомбы (их пилот бросал вручную). А функции дальних бомбардировщиков в Германии возлагались на цепеллины (дирижабли). В России в то время бомбардировщики уже имелись – четырехмоторные машины Сикорского «Илья Муромец». Они были способны нести 1,5–1,7 т полезной нагрузки, могли лететь до 5 часов на высоте 3000 м со скоростью 100–115 км/час, имели сильное бортовое

вооружение: 5–8 пулеметов. Однако и русское командование, глядя на Запад, относилось к их применению скептически.

Энтузиастом, способствовавшим их внедрению, стал штабс-капитан Георгий Горшков. Он добился, чтобы на фронт отправили эскадру бомбардировщиков, и 28 февраля 1915 г. они нанесли первый удар по врагу – три часа утюжили немецкие батареи. Применение таких самолетов доказало их высокую эффективность, их производство стало расширяться. Но на успехи русских бомбардировщиков обратили внимание и немцы. Тем более что их цепеллины при налетах на глубокие тылы противников несли огромные потери. Их очень даже легко сбивали французские и британские летчики, уже появилась специализированная зенитная артиллерия. А дирижаблю много ли надо? И к 1917 г. Германия пошла по иному пути, создала и запустила в серийное производство свой тяжелый бомбардировщик «гигант».

А Мюллер, получивший боевое крещение в рейдах «гигантов», оказался блестящим пилотом. «Гадкий утенок» превратился – нет, не в лебедя, а в орла. Сильного и уверенного в себе хищника. Хотя эти операции были крайне опасными. Авиатехника была еще несовершенной, нередко выходила из строя. В таких условиях дальний полет на несколько сот километров сам по себе был подвигом. А вдобавок французы и англичане уже вовсю разворачивали систему ПВО. После предшествующих налетов цепеллинов их столицы и крупные центры прикрывались истребителями, зенитными батареями и пулеметами. Или обычные трехдюймовые пушки устанавливались на специальные станки и били в небо шрапнелью, ставя на пути атакующих смертоносное заграждение. Большие тихоходные машины, летевшие со скоростью 100–120 километров в час, были прекрасными мишенями. И на свои аэродромы возвращались далеко не все.

Но в авиационной службе, пожалуй, проявились и сыграли важную роль главные качества Мюллера. Проявилась его дотошность и основательность, эдакое неутомимое «крестьянское» трудолюбие. Он не брезговал сам вместе с механиками проверять мотор, вооружение и другие системы. Несмотря ни на какую усталость от прошлых боев сам тщательно готовил машину к новым вылетам. И в то время как его сослуживцы из «золотой» молодежи погибали из-за мелких отказов двигателя или поломки пулемета, он продолжал летать. Проявилась обманчивость его натуры и хитрость. Он мог заставить пилота вражеского истребителя поверить, что перед ним туповатый медлительный увалень – а потом неожиданно сделать какой-нибудь замысловатый маневр, которого от него никак не ожидали.

Проявилось и его баварское упорство и упрямство. Та самая бульдожья хватка, которой он будет позже известен в полиции. Ведь прицельные приспособления были еще крайне примитивными. Для точного бомбометания требовалось снизиться, подставляясь тем самым под вражеский огонь. Нередко бывало, что пилоты спешили освободиться от груза абы как, лишь бы побыстрее. Но не Мюллер. Он очень тщательно выбирал цель. А уж «вцепившись» в нее, не выпускал. Встав на боевой курс, не обращал внимание ни на очереди с земли, ни на разрывы зенитных снарядов – пока его бомбы не накрывали выбранный объект. А если не накрывали, шел на второй заход. Привозил дыры в плоскостях, осколки в фюзеляже, но задание выполнял всегда.

Впрочем, в этих операциях проявилось еще одно немаловажное качество Мюллера. Потому что рейды бомбардировщиков «гигант» на Париж и Лондон имели цель не военную, а психологическую. Вызвать панику среди населения, активизировать оппозицию, подтолкнуть неприятельские правительства к переговорам о мире. И удары следовали в основном не по военным заводам или тыловым базам противника, а по улицам, площадям, жилым кварталам. Но до тех времен, когда бомбардировки мирных городов Югославии и других стран станут считаться вполне нормальным средством «утверждения демократии», было еще далеко. В Первую мировую такие деяния по всем нормам международного права квалифицировались как военные преступления. Поэтому летчики самолетов, сбитых над Францией, рисковали попасть под

военно-полевой суд и расстрел. А экипажи бомбардировщиков и цепеллинов, упавших в море, британские моряки вообще не спасали – предоставляли тонуть или добивали из пулеметов.

Так что для подобных полетов требовалась особая смелость. И не только смелость, а еще и известная «толстокожесть». Мюллер ею обладал. Ему не было никакого дела до тех конкретных людей, на головы которым сыпались его бомбы. Главное было – выполнить задание и отличиться самому. Отличиться, чтобы выдвинуться и возвыситься.

И он выдвигался. Старательного и умелого юношу начальство заметило. Потери в личном составе были значительными. Одних сбивали, другие возвращались ранеными.

И уже вскоре 18-летний Мюллер повышается в должности, из второго пилота становится командиром экипажа. И получает Железный крест II класса. А еще через несколько месяцев за отчаянные и самоотверженные бомбардировки Парижа его награждают Железным крестом I класса! «Нижним чинам» такой орден давали очень редко, при исключительных отличиях. Крест I класса по рангу считался офицерской наградой. И тех, кто сумел ее заслужить, обычно производили в офицеры или направляли в офицерские училища. Но… у Мюллера было только начальное образование. Поэтому он был произведен в звание вице-фельдфебеля.

Однако в мечтах и надеждах наверняка он уже возносился выше. В восемнадцать лет – вице-фельдфебель, кавалер высочайших наград. Такого и после войны наверняка оставят на службе. А значит, и будущее определилось – авиация. Что же касается образования, так кто ему помешает потом подучиться? И крестьянский паренек станет блестящим офицером-летчиком. То-то будут гордиться родители, качать головами бывшие учителя и одноклассники, заглядываться девушки…

В жесточайших боях, которые кипели в 1918 г. на полях Франции, снова сумел отличиться и Адольф Гитлер. После ранения он, по свидетельству современников, вернулся в полк с радостью, «как в родную семью». Вскоре он был удостоен грамоты за храбрость, а в августе его тоже наградили Железным крестом I класса. Причем ему-то для дальнейшей карьеры образования вполне хватало. Но, по иронии судьбы, начальство сочло, что ему «не хватает командирских качеств», и он, в отличие от Мюллера, не поднялся выше ефрейтора. Позже Гитлер попал под обстрел химическими снарядами и ослеп. Едва сумели вылечить…

Однако, несмотря на героизм солдат и офицеров, на решительный натиск, на применение новейшей техники, Германия так и не смогла переломить ход войны в свою пользу. Из-за начавшегося в России партизанского движения немцам и австрийцам пришлось держать 50 дивизий на востоке. А прибывающие из России пополнения, вчерашние пленные, были далеко не лучшего качества. Они уже привыкли в лагерях к мысли, что война для них кончилась, что им повезло – уцелели, и вторично лезть в пекло они не стремились. Трусили, дезертировали. Многие бывшие пленные были заражены большевизмом. А советские представительства в Германии и Австро-Венгрии стали «крышами» для распространения революционной пропаганды и организации коммунистических «пятых колонн». В общем, Центральные державы получила обратно свой «подарок» русским. И их тылы стали разрушаться, нарастали волнения, антиправительственные выступления.

На фронте войска продолжали заливать землю своей кровью и устилать ее своими трупами. Казалось, победа близка, надо дожать еще чуть-чуть. Ценой огромных потерь и усилий германские соединения смогли было прорваться к Парижу. Но дорогу им преградили Марокканская дивизия и Русский легион – из отправленных на помощь союзникам еще раньше, при царе, российских солдат. От этих частей мало что осталось, но они остановили и перемололи шестикратно превосходящего врага. А когда германское командование израсходовало все резервы, когда были повыбиты лучшие силы, армии Антанты перешли в контрнаступление, в сентябре прорвали «линию Гинденбурга».

В это же время был нанесен удар на Балканах. И, как ранее предсказывало русское командование, этот удар оказался решающим. Англо-французские войска прорвали Салоникский

фронт, выходя на подступы к Стамбулу и границам Болгарии. И пошла цепная реакция. 29 сентября капитулировала Болгария. Разорвала союз с немцами и перекинулась на сторону Антанты Румыния. 30 октября сдалась Турция. В итоге у Австро-Венгрии оказалась оголенной вся восточная граница, прикрыть которую было уже нечем. 3 ноября она тоже капитулировала. Кайзер Вильгельм II пытался предпринимать лихорадочные усилия, чтобы выправить положение. Даровал Германии конституционное правление, создал коалиционное правительство с участием социал-демократов. Но стабилизации это не принесло. Наоборот, усилило раскачку страны. Выступления против власти нарастали, а как только пришли известия о капитуляции последней союзницы, Австро-Венгрии, Германия будто взорвалась изнутри. 3 ноября взбунтовались матросы в Киле. 7 ноября вспыхнуло восстание в Мюнхене, свергшее баварского короля Людвига III. Митинги и манифестации покатились в Берлине, Гамбурге, Бремене. Любеке.

9 ноября кайзер Вильгельм быстренько отрекся и в тот же день сбежал в Голландию – повторять судьбу русского царя ему, ясное дело, не хотелось. А руководители последнего правительства Второго рейха, принц Макс Баденский, канцлер Эберт и министр Эрцбергер обратились к державам Антанты с просьбой начать переговоры о перемирии. При этом германские деловые и политические круги наивно сочли, что западные страны более снисходительно отнесутся к демократическому правительству, и социал-демократ Шейдеман с балкона рейхстага провозгласил республику. 11 ноября 1918 г. в Компьене было подписано перемирие, согласно которому Германия демобилизовывала армию, выдавала победителям свой флот, оставляла Эльзас и Лотарингию.

Но начавшаяся в Германии заваруха успокоилась не скоро. Точно так же, как в России, падение монархии открыло дорогу дальнейшему раздраю, борьбе между различными партиями и лидерами, между умеренными и радикалами, между централистами и сепаратистами. Нашлись силы, жаждущие углублять революцию, причем они активно подпитывались из Советской России. Большевики сразу разорвали Брестский договор, в Германию и Австро-Венгрию хлынули идеологические десанты, коммунистические активисты из числа бывших пленных и эмигрантов. Несмотря на нищету и разруху в самой России, за счет награбленных у «буржуев» ценностей пошло финансирование «спартакидов» и других левых течений. В Германию были направлены высокопоставленные эмиссары во главе с Радеком. Карл Либкнехт 21 ноября объявил себя большевиком и проговорился, что он обладает «неограниченными средствами». Большевики готовились поддержать своих ставленников и штыками. Ленин писал: «Армия в три миллиона должна у нас быть к весне для помощи международному рабочему движению».

Правда, немецкие умеренные социал-демократы оказались более организованными и дееспособными, чем российские соратники Керенского, да и основная масса народа не поддержала экстремистов. Январское восстание «спартакидов» в Берлине быстро было разгромлено. Их лидеров Карла Либкнехта и Розу Люксембург нашли в канаве убитыми. Радека 2 февраля 1919 г. арестовали и упрятали в Моабитскую тюрьму. Тем не менее ситуация оставалась напряженной. В марте в Москве прошел I Учредительный съезд Коминтерна. В Германии «спартакиды» подняли второе восстание, возникла советская республика в Бремене. Вспыхнула революция в Венгрии, тоже провозгласившей советскую республику. И Ленин с Троцким бросили войска на запад, чтобы пробиться к этим очагам революции.

А в апреле полыхнуло в Баварии. Социал-демократическое правительство этой земли во главе с Гофманом бежало в Бамберг, а в Мюнхене была провозглашена Баварская советская республика. Но долго существовать ей не пришлось. Центральное правительство Эберта – Шейдемана – Носке быстро разделалось с Бременской советской республикой и нацелило верные части на Баварскую. Гофман в Бамберге тоже собирал силы, формировал добровольческие части «фрайкора». Уже 1 мая 1919 г. на Мюнхен с нескольких сторон двинулись войска под командованием генералов фон Эппа и фон Лоссова. После трехдневных боев «баварская

красная армия» во главе с моряком Рудольфом Эгльхофером была разгромлена, несколько сот человек было убито или расстреляно, и порядок восстановлен. С помощью румынских и чешских войск удалось подавить и восстание в Венгрии. Ну а российская Красная Армия прорваться в Центральную Европу так и не смогла, поскольку львиную долю сил вынуждена была отвлечь против Колчака и Деникина…

Казалось бы, весенние рецидивы революций в Центральных державах благополучно ликвидированы, обошлись без тяжелых последствий… Но нет, было не совсем так. Большевикам-то в Германии и Австро-Венгрии и впрямь ничего не обломилось, зато раздраем в этих странах очень лихо воспользовались… державы Антанты. С побежденными они обошлись, скажем так, не очень-то честно. При подписании капитуляции в ноябре 1918 г. молчаливо подразумевалось, что на последующей мирной конференции речь пойдет лишь о юридическом оформлении условий, выдвинутых в Компьене, и уточнении разных частностей. Но когда эта конференция собралась в Версале, победители предъявили уже другие условия, гораздо более жесткие. Немцы, австрийцы, венгры взвыли, однако деваться им теперь было некуда – они уже разоружились, сдали пограничные крепости, перевели флот на британские базы. И оказались настолько взбаламучены и ослаблены внутренними потрясениями, что об отказе от предъявленных требований, о возобновлении сопротивления даже думать не приходилось.

Болгарию по Нейискому договору круто обкорнали, наложили огромные репарации, лишили армии. По Севрскому договору расчленялась Османская империя, а по Сен-Жерменскому и Трианонскому договорам – империя Габсбургов. Вместо нее появились Австрия, Венгрия, Чехословакия, часть территорий отошла к Польше, Югославии, Румынии, Италии, причем границы были нарезаны так произвольно, что это заложило повод ко многим будущим конфликтам. У.Черчилль писал: «Другой важнейшей трагедией был полный развал Австро-Венгерской империи в результате заключения Сен-Жерменского и Трианонского договоров… Каждый народ, каждая провинция из тех, что составляли когдато империю Габсбургов, заплатили за свою независимость такими мучениями, которые у древних поэтов и богословов считались уделом лишь обреченных на вечное проклятие».

А Германия по Версальскому договору, подписанному 28 июня 1919 года, теряла восьмую часть своих территорий. Эльзас и Лотарингия отходили к Франции (хотя исторически эти земли были немецкими, французы их захватили в XVII в.), часть Силезии передавалась Чехословакии, несколько районов уступались Бельгии, часть Пруссии и Померании – Польше, выделялись вольные города Данциг (Гданьск) и Мемель (Клайпеда). Кроме того, у немцев отбирались все колонии – их, в основном, прибрала Англия. Германская армия ограничивалась численностью в 100 тыс. человек и должна была стать сугубо профессиональной – чтобы ее нельзя было увеличить за счет подготовленных резервистов (как видим, профессиональная армия, о которой столь восторженно разглагольствуют нынешние российские либералы, вполне справедливо считалась не шагом к повышению обороноспособности страны, а, напротив, к ее снижению, навязывалась в качестве наказания). Для Германии вводились жесткие ограничения по флоту, ей запрещалось иметь танковые, химические войска, военные академии и высшие училища.

Область вдоль Рейна объявлялась демилитаризованной – там вообще не должно было находиться никаких войск, а Саарская область передавалась под управление Лиги Наций (фактически – Франции). Немцев обязывали выплатить гигантские репарации в 132 млрд. золотых марок. Такая сумма для послевоенной Германии была заведомо нереальной, но французы лелеяли надежду, что за неуплату можно будет в дополнение к Эльзасу и Лотарингии прибрать к рукам Саар и Рур. В общем, договор выглядел не наказанием агрессора, а просто грабежом по праву сильного. И немцы были не дураками, они это хорошо поняли.

А вдобавок ко всему (точно так же, как в ситуации с постсоветской Россией) панацеей от всех бед, политических и экономических, западные державы объявили «демократизацию»

побежденных государств и принялись насаждать в них модели управления по собственным образцам. На чужую почву? Без учета местных условий? Ну и что из того! Как известно, господа европейские и американские демократы до сих пор упорно возводят свои принципы в ранг абсолютных ценностей и внедряют их всеми методами вплоть до применения военной силы, хотя исторический опыт показывает, что ни одной стране Азии, Африки и Латинской Америки западные модели не принесли ничего, кроме бедствий и развала…

Так было и в Германии. Под давлением победителей в августе 1919 г. здесь была принята демократическая Веймарская конституция. Откуда и пошло название государственного режима – Веймарская республика. Слабенькая, рыхлая, аморфная. Наряду с другими ограничениями вооруженных сил, иметь военную авиацию Веймарской республике тоже запрещалось. Соответственно, все планы и мечты Генриха Мюллера рухнули. Рухнули из-за условий, продиктованных англичанами, французами, американцами. Такое не могло не оставить болезненную зарубку в памяти. И, надо полагать, во многом определило его будущее отношение к западным державам.

Республики Веймарская и Советская

Германские вооруженные силы восприняли Версаль очень болезненно. Немецкий флот был уже интернирован на британской базе в Скапа-Флоу. Но когда его командующий адмирал фон Ройтер узнал, как западные державы обманули немцев и какие условия мира предъявили, он в отчаянии приказал морякам затопить свои корабли. Подобные эксцессы имели место и в авиации – некоторые пилоты, подняв в воздух машины, направляли их вертикально в землю… Болезненной была и демобилизация. Во взбаламученную, ослабленную, надорвавшуюся в годы войны Германию разом выплескивались миллионы мужчин. Безработных.

Пристраивались, кто как может. Например, Генриху Гиммлеру после демобилизации довелось жить «альфонсом» на содержании берлинской проститутки Фриды Вагнер, которая была намного старше его. Потом пришлось идти на поклон к отцу, с которым Гиммлер был в ссоре, и тот устроил его управляющим на птицеводческую ферму. Герман Геринг, сумевший сохранить боевой самолет, показывал воздушное искусство на праздниках и ярмарках, катал публику. Некоторые пополняли ряды преступного мира. Другие спивались, кончали с собой. Третьи пошли в политику. Вступали в ряды красных. Или наоборот, в отряды боровшегося с красными добровольческого «фрайкора». А когда эта борьба угасла, потянулись к различным общественным движениям и течениям. Политическая жизнь в постреволюционной Германии бурлила. Возникали многочисленные микроскопические партии, о большинстве из которых никто не знал за пределами «своей» пивной. Впрочем, как возникали, так и исчезали, едва успев провозгласить свои «программы». Тут были и националисты, и демократы, и коммунисты, и сепаратисты (напомним, что с объединения Германии тогда прошло всего полвека).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.